
РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 7–8.

УДК 338.23
ББК 65.050.11

ЛИЦЕНЗИЯ НА УБИЙСТВО

В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Когда в 2019 г. было объявлено о запуске «регуляторной гильотины», у представителей бизнеса и других форм ведения хозяйственной деятельности затеплилась надежда, что контрольно-надзорная деятельность приблизится к реалиям XXI в., в котором и технологии, и информация, и знание создаются и распространяются с такой скоростью, что ни один контролирующий орган не способен компетентно реагировать на эти изменения и учитывать их в своей деятельности. И по этой причине просто необходима была полная перезагрузка системы контрольно-надзорной деятельности. Одним из анахронизмов, в современном виде появившимся в 1990-е гг., когда существовал соответствующий запрос общества, является механизм лицензирования и аккредитации деятельности в сфере высшего образования. Тогда, в пору расцвета «предпринимательства» от образования, было актуально не допускать до социально значимой деятельности откровенно недобросовестных игроков — тех, кто «продавал» дипломы, подрывая доверие ко всей системе высшего образования. Сегодня же на рынке остались только те, кто не только неоднократно проходил жесткую проверку на соответствие требованиям как законодательства, так и подзаконных нормативных актов, да и, скажем откровенно, субъективных трактовок этих законов и актов экспертами. И любой опрос профессионального сообщества (преподавателей, работодателей) покажет — потребности в той же аккредитации нет. Она однозначно воспринимается как неизбежное зло.

Следует отметить несколько современных тенденций, подтверждающих правильность такого вывода. Во-первых — ускорение развития технологий, требований к специалистам, их навыкам (в том числе межпредметным). Федеральные образовательные стандарты стараются поспеть за этими изменениями, и поколение 3+, 3++ разработаны как раз для обеспечения мобильности и гибкости подготовки. Но как только возникает

вопрос проверки и контроля, эксперты начинают цепляться за каждую букву стандарта, находя несоответствия и вынося отрицательные заключения. В стандарте написано «лаборатории», а не «лаборатория», значит, их должно быть минимум две. Такой же формальный подход — к оценке квалификации кадров, материально-технической базы, степени освоения программ. Холистический по своей сути процесс образования для удобства проверки атомизируют: есть компетенция, которой должен обладать студент, — это требования стандарта. Но при проведении проверок оценивается, как сформулированы формальные индикаторы степени достижения каждой компетенции каждой связанной с ней дисциплиной. Зачем? Как это связано с качеством образовательного процесса и как влияет на качества выпускника? Более того, по появляющимся профессиям оценить степень владения компетенциями могут редкие специалисты-практики, но никак не эксперты Рособнадзора. Те могут оценивать формальное наличие «индикаторов», что они и делают. И таких примеров масса. Высшее образование — не рутинное производство, где технологию и продукт можно стандартизировать и измерять сколь-нибудь точно. А аккредитация в ее современной (и, к сожалению, перспективной тоже) логике подходит именно с такой позиции, задавая вектор на упрощение и формализацию как образовательного процесса, так и оценки «знаний, умений и навыков».

Во-вторых, современный кадровый потенциал высшей школы крайне ослаблен многолетними реформами. Можно вспомнить реформу системы диссертационных советов, из-за которой целое поколение молодых ученых в регионах ушли из образования в иные сферы, а также реальный уровень оплаты труда преподавателей, в разы уступающий финансовой сфере, крупным компаниям и даже госуправлению. Да и весь бюджет государственных университетов таков, что по-

зволить себе качественный IT- и методический департамент могут далеко не все. Иными словами, не каждый руководитель отдела и методист, не каждый преподаватель и доцент обладают способностью воспринимать «в системе» весь процесс аккредитации, понимать, что важно, а что вторично для эксперта, и воплощать это понимание в своей деятельности. В результате требования Рособнадзора (даже разумные) порождают «на местах» бурную, но не всегда рациональную деятельность. И объемы этой деятельности оказываются в разы больше необходимого, потому что совершаются под страхом: «одно несоответствие по одной программе — и не аккредитуем всю укрупненную группу специальностей». То есть от ошибки одного методиста / преподавателя может зависеть судьба тысяч студентов и сотен преподавателей. «На всякий случай» специалисты и руководители на местах дуют на воду, создавая дополнительную массу не нужной никому работы, никак не связанной, опять же, с качеством образования и с востребованностью выпускников.

В-третьих, пандемия 2020–2021 гг. ускорила перевод «в цифру» и документацию вузов, и активность Рособнадзора. Давно назревшая отмена аккредитации сегодня вовсю обсуждается именно как переход к системе перманентного мониторинга в формате онлайн. В теории это разумный ход, упрощающий работу: просто организуйте свой труд качественно, и к вам не будет никаких вопросов. Но на деле объем пустой работы возрастает в разы: сканируются зачетки, ведомости, дипломы и курсовые, договоры на практики и отчеты по ним. Кроме того, постоянные изменения требований (например, появление стандартов поколения 3++) приводят к кратному увеличению такой работы. Зачем? Единственный критерий качества образования — востребованность выпускников. И не просто востребованность, выраженная в проценте трудоустроенных или средней зарпла-

те, а то, как вуз меняет судьбу и карьерный путь своих выпускников. А каким образом это делается — вопрос внутренней кухни, которая сложна, уникальна для каждого вуза, непостижима и неизмерима. В том и есть ее сила. А не право решать, кто качественно организует образовательный процесс, и право лишать возможности делать это тех, кто не вписался в сиюминутные требования.

А ведь мы даже не берем во внимание и более радикальную точку зрения, которую высказывают представители «Университета 2035», — о том, что как таковой диплом о высшем образовании устарел, и важен лишь подтвержденный набор (профиль) компетенций. Если же довериться этой позиции, то все современные подходы к аккредитации не только бесполезны, но и вредны, поскольку ведут к существенному перераспределению ресурсов университетов в сторону формальной работы с документами и упрощению самого образовательного процесса, чтобы тот лучше соответствовал «бумажным» методикам.

Под благовидным предлогом в России продолжает действовать архаичная система государственной аккредитации, многочисленные попытки которой ведут только к усилению ее разрушающего воздействия на ядро любой образовательной системы, на преподавателя. Она порождает безразличие и равнодушие, смещает фокус внимания с собственно образования на формальное документальное обеспечение этого процесса, «убивая» его живое начало. И, как обычно, все делается под благим предлогом и при одобрении «экспертного сообщества», зачастую заинтересованного в сохранении или усилении регуляторного статус-кво. И проблема эта очевидна только для оставшихся пока работать в системе высшего образования профессионалов, но их голос не слышен. А когда дойдет до всеобщего осознания проблемы, исправить что-то будет уже невозможно.

Но пока время есть.

Сведения об авторах

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. esoba@csu.ru

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru